и категорий, усилением структурного единства синтагматических конструкций)[6] и становления мелоса церковных песнопений[7] в рамках ПС имела место своеобразная спонтанная попытка «возрождения» древней славянской силлабики. Недаром в целом ряде литературных памятников, созданных в этом торжественном стиле, исследователи отмечали разного объема периоды, имеющие абсолютный изосиллабизм[8] или же симметрию конечных слогов в смежных колонах (например, 333, 444, 2,333), что приближает отдельные части данных произведений к стиху[9]. Недаром именно в произведениях «плетеного» стиля (у Григория Цамблака, Пахомия Серба и др.) впервые начинают активно использоваться сложные акростихи, которые позднее станут важным показателем РДС в практике приказных поэтов. Кроме того, есть и прямые свидетельства древнерусских писателей, позволяющие считать, что понятие «ПС» на Руси издавна связывалось с представлениями о «витейском», поэтическом искусстве.

В XVI в., давая объяснение некоторым поэтическим формам, Максим Грек проводил фактическую параллель между термином «сплетати» стихи и терминами «сложити», «слагати»[10]. Он пишет: «...первее творец согласно с п л е л ямвикою мерою акростихиду, сице начинает сплетати стиси канонии по ряду (здесь и далее рязрядка наша.— *В. Б.*)». И здесь же добавляет: «Другая же акростихис умыслися творцы по ямвикою мерою с л о ж е н н е й (...)»[11]. Однако еще раньше — в конце XIV — начале XV в.— ПС понятийно увязывалось со стихотворной речью. Так, в переводном «Предисловии Михаила Пселлоса к книзе глаголемей Диоптра» внимание читателя обращалось на простую форму ее написания и при том следовало замечание: «Не светлы и възыскательны и изьвиты речи... и всякого двоения кроме... прочитаеши зде». Это замечание подтверждалось в другом предисловии к тому же памятнику, озаглавленном «Стиси Константина Ивеста о книзе глаголемей Диоптра сиречь Зерцало»:

Иже сия хотяй прочьсти книгу
не к мере възирай стиховней,
ни умякчайся явлениемь глаголанным,
не образьне како ветийскы ине где съматряй...
не ухыщрение ино (...)[12].

В первой половине XVII в. многие русские стихотворцы связывали свою поэзию с традиционным ПС, что выражалось в живой поэтике их произведений (о чем еще будет сказано), и терминологически. «Плетением», «извитием» слов называли свою стихотворную технику Антоний Подольский (ср.: «Тако и соплетем // и вашему богоразумию предложим»[13]), Стефан Горчак (ср.: «...да не зазриши сему нашему плетению,// понеже возгарати в нас по сем великому рачению»[14]; «...не позазри, что тако тебе плетем,// вем бо тя разумна и изящна во всем»[15]), М. С. Рогов (ср.: «Аще будет и в просте сие предисловие вам плетено,// Токмо нам зрится по подобию все ведено»[16]), Петр Самсонов (см. его послание Фоме Стефановичу[17]), Савватий (см. его послание Ивану Никитичу Романову[18]), Ермолай Азанчеев (см. его послание Марку Ивановичу[19]) и др. Между тем на равных основаниях ими, как, кстати сказать, и Максимом Греком, использовались также определения «слагати», «счиняти». Ср., к примеру, распространенную формулу — «двоестрочием сложено»:

«Двоестрочием сложено
И от печали к радости ведено»[20].
«Сие слово двоестрочием сложено
И от великия сея книги вкратце объявлено»[21].
«Сие двоестрочие сложено по повелению
И сложителя полезному рачению»[22].